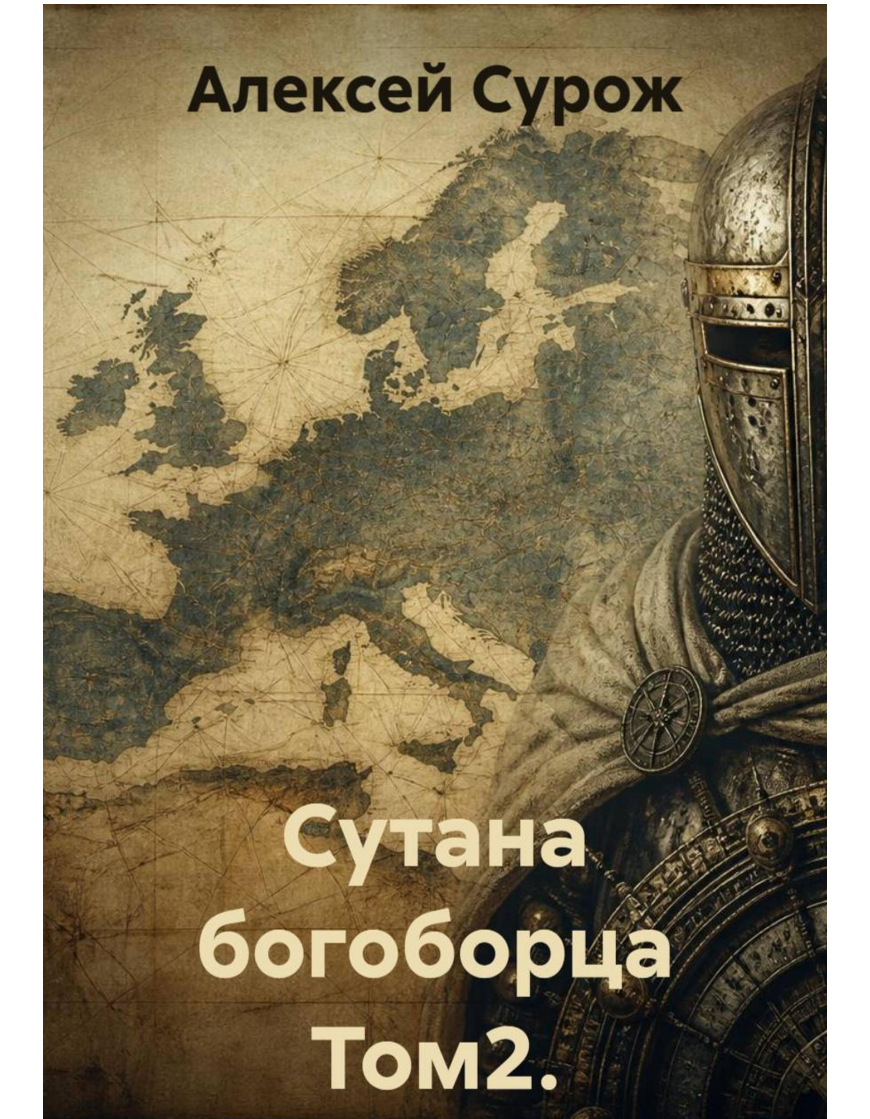

The background of the book cover is a composite image. On the left, there is a historical map of Europe, likely a portolan chart, with landmasses in a dark, mottled green and blue color against a light tan background. The map is overlaid with a network of thin, intersecting lines. On the right side, there is a detailed illustration of a knight in armor. The knight is wearing a helmet with a visor, a chainmail collar, and a surcoat. A circular compass rose is visible on the knight's surcoat. The overall style is historical and artistic.

Алексей Сурож

**Сутана
богоборца
Том 2.**

Алексей Сурож

Сутана богоборца

Том2. Изумление мира

<https://litres.ru/74627193>

SelfPub; 2026

Аннотация

Крушение Константинополя в 1204 само по себе достойно отдельной книги, но оно породило целую череду удивительных событий, навсегда изменивших политическую и финансовую карту Европы. Грандиозная спецоперация Латерана и венецианских банкиров по ликвидации великой империи и первому масштабному отъему активов руками рыцарей-должников запустила безжалостный механизм. Теперь, в XIII веке, европейские короли ведут отчаянную борьбу против тотального диктата Папы Римского, пытаясь вырваться из долговой ловушки, в которую их загнал Святой Престол.

Императора Священной Римской империи Фридриха II Гогенштауфена современники звали *Stupor Mundi* — «Изумление мира». Выстраивая жесткую светскую вертикаль на основе точного расчета, он бросает вызов наднациональному контролю курии. Главной загадкой в его противостоянии с Римом становится Пятый крестовый поход. Почему колоссальная

христианская армия, застрявшая под стенами египетского Каира, внезапно оказалась обречена на поражение?

Содержание

Глава 1	5
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Алексей Сурож

Сутана богоборца

Том2. Изумление мира

Глава 1

Пролог. Бочка для императора

Душная, маслянистая ночь распласталась над Золотым Рогом. В воздухе Константинополя — дряхлеющего, но всё ещё ослепительного сердца Ойкумены — густо пахло тухлой рыбой, гниющими водорослями, дорогими церковными благовониями и дегтем латинских кварталов. Этот величайший Вавилон христианского мира, обнесенный тройным кольцом феодосиевых стен, изнутри уже подтачивала гниль: императоры ромеев ослепляли друг друга ради трона, чиновники погрязли во взятках, а латинские купцы давно прибрали к купеческим рукам всю торговлю великой империи. На той стороне залива, в Галате, глухо переругивались пизанские шкиперы, но здесь, у глухих загородных стен Мраморного моря, стояла мертвая, нездоровая тишина.

Пьетро Паскуале сидел на перевернутой ивовой корзине под навесом заброшенной рыбацкой хижины. Франкский

темный кафтан скрывал мелкую дамасскую кольчугу. Его пальцы — длинные, сухие, привыкшие держать не тяжелый меч, а тростниковый калам нотариия или весла легкой венецианской барки — медленно покручивали на ладони тяжелую золотую номисму. Финальная стадия секретной операции по похищению из-под домашнего ареста молодого византийского царевича была просчитана им до секунды.

Из темноты оливковой рощи бесшумно соткался евнух-воспитатель. Его шелковые придворные одежды были испачканы прибрежной глиной, а пухлое, лишенное волос лицо блестело от пота.

— Всё кончено, латынянин, — просипел грек, судорожно оглядываясь. — Они спят. Мандрагора в хиосском вине — надежное средство. Оставшиеся двое... твои люди управились без крика.

— Мешки набили известняком? — тихо, безмятежно спросил Пьетро, даже не повернув головы.

— Да, да... Экскувиты уже на дне. Их никто не хватится до полудня. Басилевс Алексей III уверен, что племянник просто молится в загородной капелле. Где мои Паскуале-Пьетро поднялся. Его движения были плавными, почти кошачьими, лишенными рыцарской угловатости. Он протянул евнуху свернутый кусок плотного пергамента, скрепленный тяжелой свинцовой буллой Республики Святого Марка.

— На причале тебя ждет легкая скампавея до Равенны, мастер. Уходи. Венеция всегда платит за хорошую работу.

Но если ты заговоришь до того, как перевалишь за Апеннины, у Совета десяти найдутся люди и в Апулии.

Евнух схватил пергамент, коротко поклонился и растворился во тьме, ведя за собой бледную, трясущуюся тень.

Восемнадцатилетний царевич Алексей IV Ангел, законный порфирородный наследник империи Ромеев, стоял у кромки воды, обхватив плечи руками. Его колотил мелкий, неудержимый озноб. Пьетро подошел ближе, грубо, без всякого пиетета к имперской крови оглядывая юношу. Слишком тонкая кожа, слишком мягкие ладони. Хрупкий инструмент для великой перековки Ойкумены.

— Снимите это, Ваше Величество, — Пьетро кивнул на его тонкую шелковую тунику с золотым шитьем.

— Что?.. Ты смеешь приказывать мне, латынянин? — в голосе принца прорезалась капризная властность Влахернского дворца. — Мой отец — император! Я...

Пьетро не стал спорить. Он просто протянул руку, ухватил ворот туники и с сухим треском рванул ткань вниз до самого подола. Царевич вскрикнул, отшатываясь, но венецианский матрос уже перехватил его сзади за локти. Пьетро сломал спесь изнеженного принца одним движением. К ногам Алексея полетела засаленная, пахнущую ворванью холщовая рубаха пизанского портового грузчика и тяжелые поршни из сыромятной кожи.

— Переодевайтесь, принц. Из Царьграда еще никто не уезжал в пурпуре, если его дядя сидит на троне. Стриги его,

Марко.

Короткий пизанский нож скрежетнул по волосам. Роскошные, ухоженные византийские локоны царевича повалились в прибрежную грязь. Алексей беззвучно плакал, кусая губы до крови, пока его голова обретала грубый, угловатый вид латинского матроса. Это было его первое, настоящее крещение грязной рутиной Запада.

Пизанский неф «Святая Радегунда» тяжело переваливался на мелкой волне у таможенного поста близ мыса Святого Димитрия. Выход из Золотого Рога был заперт огромной железной цепью, кованые звенья которой лежали на деревянных плотках, перегораживая пролив. На берегах высились мрачные башни, стерегущие покой угасающего сердца Ойкумены, но даже их грозный вид не мог скрыть запустения империи, распродающей свои богатства за латинское серебро. Чтобы пройти жесткий портовый досмотр коммерциариев, требовалось получить восковую печать таможенников.

В трюме нефа стоял удушливый, кислый смрад. Пьетро Паскуале лично проверял массивную дубовую бочку с клеймом пизанского цеха винокуров. Именно туда, используя хитроумное инженерное решение, заколотили византийского наследника.

— Дыши ровно, мальчик, — негромко проговорил Пьетро в узкую щель между сосновыми клепками крышки. — Клепки подогнаны неплохо, воздух идет через пазы под верхним

обручем. Главное — не шевелись, когда они начнут проверять груз.

Над головой царевича, в верхнем, изолированном отсеке бочки с двойным дном, плескалось настоящее, прокисшее хиосское вино. Если бы греческая стража вскрыла втулку сверху — оттуда хлынула бы темная, пахучая жидкость для запаха. Сам порфирородный принц сидел в нижнем сухом ящике, скрючившись в три погибели, упираясь коленями в собственный подбородок и задыхаясь от винных испарений.

На палубе застучали тяжелые подкованные сапоги. Византийский чиновник в высокой шапке, сопровождаемый пятью вооруженными стражниками-экскувитами, спустился в трюм.

— Что везем, пизанцы? — брезгливо спросил грек, разворачивая пергаментный манифест. На палубе трюма чадил масляные фонари, выхватывая из темноты сотни одинаковых винных бочек.

— Вино, господин, кислый хиосский сбор для портов Анконы, — Пьетро Паскуале выступил вперед из тени шпангоута. Демонстрируя идеальное знание византийской бюрократии, он держался подобострастно, чуть согнув спину — образцовый суперкарго, мелкий торговый лазутчик лагуны. — Убытки сплошные... Налог на ввоз в этом году задушил цех. Помилосердствуйте, честный господин эпарх.

Чиновник сухо хмыкнул, проверяя список. В этот момент один из стражников, скукая, подошел к ряду бочек. В руке у

него был тяжелый железный щуп-багор. Он лениво стукнул обухом по дереву.

Гум... гум... — отозвалась первая бочка.

Шаг. Еще шаг. Стражник приближался к той самой бочке, находясь в одном волоске от тайника. Сердце Алексея в темноте его деревянной тюрьмы колотилось так сильно, что ему казалось — этот стук слышен снаружи сквозь дубовые стенки.

Гум... — обух топора опустился на соседнюю бадью.

Пьетро Паскуале хладнокровно взял удар на себя. Его пальцы мягко скользнули за пазуху франкского кафтана. Он развернул плотный манифест и, делая глубокий поклон, протянул его чиновнику. Между пергаментными листами, ровной золотой стопкой, блестели тяжелые, чеканные номисмы с ликом старого императора Исаака — взятка, которую венецианцы берегли именно для таких минут.

— Вот здесь... все пометки о портовых сборах, господин коммеркиарий, — тихо, вкрадчиво произнес Пьетро, заглядывая в глаза чиновнику. — Венецианский нотариат всё проверил. Всё чисто. И небольшая поправка на весенние шторма... для вашего ведомства.

Византиец бросил быстрый, наметанный взгляд на золото. Его пальцы соскользнули по пергаменту, мгновенно и беззвучно убирая монеты в широкий рукав кафтана.

— Порядок, — сухо произнес чиновник, отворачиваясь от трюмного люка. — Эй, Теодор, оставь бочки. Пизанцы

всегда везут кислятину. Печать на манифест.

Стражник опустил багор, сплюнул на палубу и пошел вслед за начальником к трапу. Таможенники дали добро. Через полчаса на палубе «Святой Радегунды» раздался тяжелый, железный скрежет — венецианские галеры на входе в пролив подтянули цепь, освобождая фарватер. Корабль поймавший ровный, ночной ветер Пропонтиды и вышел в открытое Мраморное море.

Борт нефа скрипел, уходя все дальше в открытую, темную воду. Огни Константинополя окончательно растворились за кормой.

Пьетро Паскуале спустился в трюм, держа в руке короткий железный шкворень. Он вогнал острие между клепками верхней крышки, надавил всем весом, и сосновый щит с треском подался вверх. Пьетро выломал крышку, и винный осадок выплеснулся на настил палубы.

Из темного, душного нутра бочки, кашляя, задыхаясь и глотая соленый воздух, выбрался царевич Алексей IV. Измученный, пахнувший кислятиной, он лишился остатков порфирородного величия. Холщовая рубаша была мокрой, лицо вымазано сажей и винной гущей, руки дрожали так, что он не мог подняться с колен.

Пьетро сел на корточки перед будущим императором Ромеев. Венецианец зачерпнул полную оловянную кружку чистой, пресной воды из походного бочонка и протянул её юно-

ше. Металл звякнул о зубы Алексея, когда тот жадно припал к воде, проливая капли на грудь.

— Кто ты?.. — просипел царевич, вытирая рот грязным рукавом. — На кого ты служишь? Филипп Швабский не мог прислать такого... такого мясника.

Пьетро едва заметно усмехнулся, поднимаясь во весь рост. Его взгляд снова стал холодным и расчетливым — взглядом купца, который только что вывез из чужой лавки самый дорогой товар в христианском мире. Венецианец цинично принялся объяснять принцу, что спасение — это не акт благородства, а точный геополитический и финансовый расчет Республики, и отныне беглец больше себе не принадлежит.

— Считайте, что я — рука судьбы, которая вытащила вас из петли, Ваше Величество, — ровным, пугающе тихим голосом ответил венецианец, забирая пустую кружку. — И эта рука очень дорого стоит вашим немецким родственникам. Добро пожаловать в Европу. Умойтесь, переодевайтесь в сухое и попробуйте поспать. Скоро Италия.

Пьетро развернулся и пошел к деревянной лестнице, ведущей наверх, на свежий воздух. У самой нижней ступени он остановился, не оборачиваясь, и сухо добавил:

— И привыкайте к запаху железа и долгов, принц. Теперь вы принадлежите тем, кто идет за вами. А Республика не любит, когда ей возвращают меньше, чем было обещано. Всё уже посчитано.

Он поднялся по трапу, с грохотом захлопнув за собой тяжелый деревянный люк, оставив будущего басилевса в сырой темноте трюма — наедине со скрежетом пизанского нефа и первыми шагами к великой катастрофе христианского мира.

Часть 1. Сметы расколотого мира

За высокими, узкими окнами Латеранского дворца догорал сухой римский закат, окрашивая багрянцем каменистые холмы. В личной канцелярии камерария Апостольской Палаты стояла та звенящая тишина, которая бывает только в местах, где вершится настоящая, безмолвная история. Здесь не звенели мечи и не трубили боевые рога — слышен был лишь монотонный, сухой шорох пергаментов.

Люциус де ла Дотта сидел за массивным дубовым столом, заваленным свитками, приходными книгами и запечатанными сургучом цеховыми кондуитами. Его тонкие, бледные пальцы — пальцы человека строгой, почти монастырской дисциплины — замерли над исписанным убористой латынью листом. Люциус обладал ледяной, расчетливой уверенностью. Он был одержим идеей преодоления земного раскола и хаоса Ойкумены. Великая империя ромеев дряхла, погрязнув в заговорах, а христианский мир задыхался от междоусобиц. Люциус видел свой священный долг в том, чтобы навести порядок навсегда, создав кристально чистую, полностью управляемую из Рима финансовую систему. Христу нужен один земной престол, один Папа и один Император.

Камерарий бегло просматривал отчеты, видя за сухими цифрами золото, налоги и движение серебра, но понимал, что это лишь часть картины — весь истинный баланс человеческих мотивов, скрытых богатств и долгов видел только Бог. В его голове уже зрел хитрый, многоходовый план, ради реализации которого он был готов пойти на любые издержки. Ослабление Константинополя, крах системы династических браков и кровопролитные войны казались ему лишь допустимой, математически оправданной жертвой ради высшего блага.

Дверь скрипнула. В канцелярию беззвучно вошел нотариус-скриниарий Бруно де ла Фонте, только что вернувшийся из долгой и опасной миссии. Его дорожный плащ был покрыт серой пылью итальянских трактов, но звериная реакция и цепкий взгляд выдавали профессионального лазутчика, способного выживать там, где обычный человек ломал шею. Бруно молча положил на стол тяжелую кожаную сумку, набитую пергаментами.

Люциус отложил перо и посмотрел на пришедшего. Голос камерария прозвучал ровно, без малейших интонаций:

— Цель пилигримов неизменна?

— Официально — да, господин камерарий, — Бруно устало опустился на деревянную скамью, бережно расправляя на коленях свитки, собранные через сеть лангедокских и ломбардских осведомителей. — Весь Юг и северные графства бредят только Египтом. В Каире и портах Александрии

они видят ключ к Иерусалиму. Но дож Дандоло объявил Венецию единственной точкой сбора для всего воинства. Пилигримы обязаны явиться в лагуну, чтобы сесть на корабли Республики.

Люциус едва заметно кивнул, переводя взгляд на фискальные ведомости Апостольской Палаты.

— И как продвигается сбор на это святое предприятие? Рим должен зафиксировать каждый денарий.

— Фискальные рычаги Святого Престола работают без сбоев, — Бруно указал на раскрытый манифест. — С тех, кто принял крест и пошел, мы исправно берем сороковую часть всего имущества. Они закладывают земли, отдают под проценты фамильное железо, лишь бы добыть серебро. С тех, кто откупился и остался дома — монастырей, баронов и епископств, — Патриарший престол принудительно трясет тридцатую часть доходов за три года под угрозой полного интердикта. Деньги текут в Латеран рекой. Но есть третья фракция, господин камерарий.

— Провансальцы и бургундцы? — Люциус поднял калам.

— Они самые, — Бруно нахмурился. — Они изменили маршрут. Они наотрез отказались плыть на венецианских лодках и нанимают генуэзские нефы или садятся на корабли в Марселе. Мы, разумеется, облагаем их карательной пошлиной за нарушение единого соглашения, но это серебро осядет в нашей казне, а не в Венеции. А старый дож Энрико Дандоло выставил баронам жесткий, монолитный счет за

фрахт огромного флота — восемьдесят пять тысяч марок серебром.

Камерарий замер, держа калам над пергаментом. В его глазах отразился холодный блеск купеческого расчета.

— Сумма фрахта была рассчитана Дандоло на *всё* латинское войско, — тихо, пугающе спокойно произнес Люциус. — Каждый барон, сменивший маршрут, забирает свое золото с собой и фактически перекладывает бремя неоплаченного фрахта на тех, кто честно идет в Венецию. Когда армия де ла Тура и шампанцев прибудет на остров Лидо, они поймут, что им нечем покрыть долю отступников. Они окажутся в капкане, Бруно. В глухом, голодном венецианском капкане, и у них начнутся смертельные проблемы с оплатой фрахта.

Люциус де ла Дотта бегло проглядел пергаменты, принесенные Бруно, придвинул к себе чистый лист плотной бумаги и начал быстро, размашисто писать. Скрип калама разрывал тишину канцелярии несколько минут. Дописав, камерарий сложил лист, залил края тяжелым темно-красным воском и припечатал личной свинцовой буллой Апостольской Палаты.

Он протянул запечатанное послание Бруно. Взгляд Люциуса был ледяным.

— Отдай это письмо Дожу срочно.

Часть 2. Обеты и долги

Цветущие весенние равнины Шампани тонули в колышущемся мареве майского тепла. В воздухе, густом от запаха

молодой травы и дикой горчицы, плыл ровный, тяжелый гул: скрежетали кованые ободья колес, глухо стучали копыта походных руссинов и тяжело вздыхали волы, тащившие груженные железом повозки. По грунтовой дороге, выходящей на юг в сторону суверенной Венецианской республики, двигался отряд барона Гийома де ла Тура. Французский командир, прославленный рыцарь и честный воин, ехал во главе колонны, покачиваясь в высоком седле. Его фамильный щит с геральдическим леопардом был бережно укрыт чехлом от дорожной пыли, а на груди поверх набивного акетона белел свежепришитый суконный крест. Барон был искренним, фанатичным сторонником Церкви, и этот поход казался ему вершиной его рыцарского служения.

Рядом с ним на сытом иноходце размеренно двигался ученый монах Бенедикт, выполнявший роль духовного наставника отряда. Чуть позади, держа в руке поводья запасного боевого дестриэ барона, ехал шестнадцатилетний оруженосец Райнхард. Для юноши этот поход был первым в жизни, и его пыливый, цепкий взгляд то и дело задерживался то на безупречном строе кнехтов, то на унылых лицах крестьян в придорожных деревнях, провожавших воинство Христово угрюмыми взглядами.

Барон и клирик увлеченно обсуждали хрупкость мира между европейскими коронами и Папским престолом, переходя от французских дел к недавним буллам Рима.

— Ойкумена погрязла в грехе гордыни, Бенедикт, —

звучно произнес Гийом де ла Тур, поправляя кожаную перчатку. — Короли грызутся за пограничные фьефы, забыв о долге перед Небом. Эта Священная война призвана очистить христианский мир, переплавить нашу гордыню в смирение и объединить всю землю под единым, непреложным Божиим законом в Египте и Леванте.

В разговор, улучив минуту, вмешался Райнхард. Пользуясь древним правом оруженосца говорить с господином на марше и проявляя юношескую дерзость, он направил коня чуть ближе к барону.

— Господин барон, — негромко, но отчетливо произнес юноша, и его голос заставил Бенедикта обернуться. — Если это дело столь важное и богоугодное, отчего же Священный Император сам не ведет воинов вперед? Отчего германские князья и короли франков сидят в своих замках, отправляя за море лишь вас?

Гийом де ла Тур удивленно приподнял густые брови, но ответить не успел, потому что Райнхард, поддавшись азарту, тут же задал следующий вопрос, ударив по самому больному месту барона:

— И еще... Накануне выезда в замок приезжали ломбардские менялы. Зачем ради этой святой миссии вам пришлось заложить лангедокским банкирам все ваши лучшие земли, виноградники и родовое имущество до последнего камня? Разве для того, чтобы просто оплатить наше железо, подковы и эти венецианские корабли, нужно отдавать свою землю

лавочникам?

Лицо барона Гийома начало стремительно наливаться багровой кровью. Его челюсть сжалась со скрежетом, а пальцы на поводьях побелели. Но оруженосец, не замечая опасности, выдал финальный, самый сокрушительный аккорд, добравшись до сути папской индульгенции:

— Если Папа Иннокентий гарантирует нам полное отпущение всех грехов в этом походе... означает ли это, господин барон, что в землях Египта мы можем безбоязненно забирать золото, коней и скот у местных жителей, не каясь потом перед исповедником? Ведь греха на нас не будет?

Вопрос Райнхарда с пугающей ясностью обнажил шкурный, земной интерес большинства участников похода, стыдливо прикрытый ширмой святости.

Барон Гийом закипел от ярости. Он рванул поводья, осаживая коня так резко, что иноходец всхрапнул. Рыцарь развернулся в седле, его рука потянулась к плети, а в глазах полыхнул огонь искреннего гнева.

— Ересь! — взревел де ла Тур, подаваясь вперед. — Так рассуждает не воин Христов, а грязный портовый лавочник с Джудекки! Ты смеешь порочить обеты, щенок?! Я научу тебя смирению прямо в этой грязи...

— Полноте, сын мой, опустите руку, — раздался ровный, рафинированный голос клирика Бенедикта.

Монах оперативно вмешался в диалог, мягко перехватив запястье барона. На губах Бенедикта блуждала тонкая, ед-

ва заметная усмешка, в которой сквозила изощренная схоластика и чистейший, стопроцентный сарказм ученого мужа. Он посмотрел на Райнхарда холодными, умными глазами.

— Юноша ищет истину, барон, хоть и делает это с грацией дикого вепря. Позвольте, я растолкую ему догматы системы, которую он столь неосмотрительно пытается критиковать. Слушай меня внимательно, Райнхард.

Монах поправил капюшон рясы и продолжил, чеканя каждое слово:

— Залог земель твоего господина — это не убыток, как мыслит твой незрелый ум, а благородная инвестиция в сокровища Небесные, где ни ржа, ни воры не подтачивают баланс. Что же до изъятия золота и скота в землях сарацин... Ты называешь это грабежом, мальчик? Какое опасное скудоумие. Кара неверных и лишение их земного имущества — это не грех, а принудительное благочестие. Это высшая форма христианской любви ради спасения их же заблудших душ. Отрезая сарацина от его богатств, мы лишаем его соблазна греха гордыни. Мы очищаем пространство для истинной Вертикали Веры. Понимаешь ли ты это теперь?

Гнев барона Гийома медленно утих под воздействием этой безупречной церковной логики. Он лишь тяжело, шумно выдохнул сквозь ноздри и отвернулся, посылая коня вперед по колее.

Райнхард покорно опустил голову, подчиняясь авторитету наставника. Колонна шампанцев продолжала свой разме-

ренный марш на юг. Но в глубине души шестнадцатилетнего оруженосца, прямо под набивным кожаным жилетом, остались глубокие, вязкие сомнения, которые не могла выжечь ни одна, даже самая изощренная схоластика Латерана.

Часть 3. Ловушка лагуны

Августовское солнце над лагуной стояло белое, злое, выжигающее глаза. На бесплодной песчаной косе острова Лидо, зажатой между солеными болотами и Адриатическим морем, замерло в унижительном плену тридцатитысячное воинство Христово. Здесь не было тени — только бесконечные ряды парусиновых шатров, просоленная насквозь швабская и французская шерсть, сохнувшие на косогорах попоны и удушливый, липкий смрад гнущей рыбы и нечистот. Вода в колодцах на песке отдавала солью и тухлятиной; от нее кони-дестриэ чернели зубами и замертво падали на пашню.

Капкан, о котором Люциус де ла Дотта рассуждал в прохладной тишине Латерана, захлопнулся над пилигримами с железной купеческой хладнокровностью.

Слепой дож Венеции Энрико Дандоло оставался непреклонен. Республика Святого Марка выполнила свою часть контракта: Арсенал два года ковал и конопатил корабли, со стапелей сошла невиданная армада, но бароны не смогли собрать серебро. Из необходимых восьмидесяти пяти тысяч марок в сундуках графов наскребли едва две трети. Налог, который Папа Иннокентий выжимал из тех, кто остался дома, осел в Риме, а упрямство бургундцев и провансальцев,

ушедших в Египет через Марсель и Геную, окончательно добило общую смету. Казна войска была пуста, а дож Дандоло перешел к прямому, безжалостному шантажу.

В душных, облицованных мрамором залах Палаццо Дукале, где пахло воском и дорогими пряностями восточного транзита, велись циничные, полные скрытого отчаяния торги. Граф Бодуэн Фландрский и граф Людовик де Блуа сидели перед дожем, положив заскорузлые от мечей ладони на резные подлокотники кресел. Капитал диктует свои условия Мечу.

— Вы просите милосердия и уступок, господа, но доски и пенька не знают милосердия, — ровным, пугающе тихим голосом произнес Энрико Дандоло. Старик сидел прямо, его незрячие, подернутые белесой пеленой глаза смотрели куда-то поверх голов французских графов, но в его осанке чувствовалась ледяная сила Республики. — Венецианские купцы остановили торговлю на два года ради вашего Египта. Плотники Джудекки не видели жен, конопатя ваши нефы. Кто вернет Республике убытки? Кто заплатит матросам? Бог? Бог высоко, графы, а Арсенал требует серебро на земле.

— У нас нет денег, дож, — глухо выдохнул Бодуэн, и его железные наплечники со скрежетом сошлись на груди. — Мы отдали всё. Бароны сняли золотые цепи с жен, мы переплавили фамильную посуду Шампани. Мы заперты на этом проклятом песке как пленные сарацины. Вы губите поход на

Александрию.

Дандоло едва заметно усмехнулся тонкой полоской губ:

— Если до конца недели на Лидо не будет оставшейся трети суммы, я прикажу прекратить подвоз бочек с пресной водой и провианта с материка. Мои галеры заблокируют коосу. Вы пришли сюда как воины Христовы, а сгниете здесь от жажды под собственными знаменами. Священная армия вымрет прямо посреди лагуны, и мне все равно, что скажет ваш Рим. Либо серебро на стол, либо Лидо станет вашим кладбищем.

Дело окончательно сдвинулось с мертвой точки, когда в лагуну, пропыленный и измотанный долгой дорогой из Германии, наконец прибыл лидер похода — маркиз Бонифаций Монферратский. Прожженный политик Пьемонта сразу понял: Меч проиграл эту партию Капиталу еще в тот день, когда французы подписали венециарские пергаменты.

Бонифаций потребовал личной встречи в резиденции дожа. Разговор шел за закрытыми дверями. Маркиз тяжело оперся на стол, глядя на невозмутимого старика:

— Ты не пойдешь на это, Дандоло. Морить голодом армию крестов перед фасадом Сан-Марко — это позор, который Венеция не смает ни одним торговым договором. Дай нам отсрочку. Мы добудем золото в Леванте и вернем все до единого денария.

Слепой дож медленно повернул голову на звук голоса маркиза. Его лицо оставалось маской:

— Отсрочка стоит дорого, Бонифаций. Но Венеция умеет быть практичной. Я предложу тебе реструктуризацию этого долга. Республика простит вам недоимку прямо сейчас и даст кораблям поднять паруса. Но... по дороге в Египет ваша армия должна будет взять для нас христианский порт Задар в Далмации. Венгерский король Имре забрал его у Республики, и теперь ваши мечи вернут его обратно. Это цена вашей воды и вашей отсрочки.

Бонифаций Монферратский долго молчал, слушая плеск волн за окном Палаццо. Выбора не было. Либо вечный позор и гибель армии на песке, либо этот страшный контракт.

— Я согласен, дож, — глухо произнес маркиз. — Мы возьмем для вас Задар.

Той же ночью Бонифаций вернулся на Лидо. Когда маркиз объявил вождям и простым кнехтам условия сделки, по лагерью пилигримов пронесся глухой, ошеломленный ропот, переросший в яростные выкрики. Швабские сержанты и французские латники растерянно переглядывались, сжимая древки копий.

— А как же братья во Христе?! — орали из толпы шампанские воины. — Задар принадлежит венгерскому королю! Король Имре сам принял крест! Мы дали обет идти на неверных в Египет, а не грабить христианские порты на Адриатике! Это грех и святотатство!

В тесном парусиновом шатре шампанского отряда, где воздух был раскален как в кузнице, барон Гийом де ла Тур,

клирик Бенедикт и оруженосец Райнхард вели свой тяжелый, вязкий разговор. Шестнадцатилетний Райнхард сидел на корточках, монотонно обстукивая заклепки на обводе тяжелого баронского щита. Его пальцы были черны от окалины и масла, но пытливый ум, привыкший искать скрытые дефекты в сочленениях железа, мгновенно нашел изъян в словах маркиза.

— Господин барон, — Райнхард поднял глаза на де ла Тура. Говор парня был прямым, лишенным придворной гибкости. — Если мы повернем нефы на Задар, то чьих покойников мы будем отпевать? Хорваты и венгры молятся тому же Богу. На их щитах такие же кресты, как у нас. Мы ведь шли на Александрию, разве нет? Как же братья во Христе?

Гийом де ла Тур резко повернулся, его лицо, густо покрытое красным венецианским загаром, дернулось от волнения. Барон со скрежетом швырнул подколенную пластину доспеха на сундук.

— Молчи, парень! Не твоего ума это дело! — закричал Гийом, и в его голосе прорвалось чистое, глубокое отчаяние разорившегося феодала. — Мой замок в Шампани заложен лангедокским банкирам до последнего камня. Если этот флот не сдвинется с места, меня ждет долговая тюрьма, а мой род — позор и нищета на паперти! У нас нет выбора, Райнхард! Дож зажал нас за горло на этом проклятом песке. Мы пойдем туда, куда плывут корабли, или сгнием здесь без глотка воды!

Клирик Бенедикт, сидевший в углу шатра на коленях перед деревянным распятием, бледный, с трясущимися губами, лихорадочно перебирал четки. Он пытался спасти распадающийся, трещащий по швам мир своих идеалов и святых проповедей, подгоняя веру под страшную купеческую логику лагуны.

— Райнхард... мальчик мой, ты не понимаешь, — прерывисто зашептал Бенедикт, глядя в пространство сухими, воспаленными глазами. — Задарцы... они ведь неправильные христиане. Они восстали против воли Святого Престола, они отвергли власть законных пастырей и укрывают далматинских пиратов, грабящих паломников. Король венгерский удерживает город силой умысла, вопреки декретам. Меч латинян имеет право пройти по их шеям, ибо это не погром, но наведение порядка ради высшей цели! Мы очистим этот порт, вернем его Республике, и тогда Господь откроет нам дорогу на Каир. Это допустимая жертва... Да, допустимая!

Райнхард ничего не ответил. Он молча опустил голову и с силой вбил тяжелую железную заклепку в растрескавшееся дерево щита. Первые, горькие вопросы о смысле этой «священной войны» легли на его сердце тяжелее любого доспеха.

Сделка была скреплена. В начале октября венецианская лагуна содрогнулась от грохота, какого эти воды не слышали никогда.

Грандиозная, но зловещая христианская армада пришла в движение. Под оглушительный, разрывающий легкие рев со-

тен медных боевых труб, под сухой, яростный треск огромных шелковых знамен, заполнивших весь горизонт, триста тяжелых нефов, галер и юсье начали выходить из проливов лагуны в открытое море.

Молодой Райнхард, никогда прежде не покидавший суши, первый раз в жизни стоял на палубе качающегося на волне тяжелого шампанского неффа. Его пальцы судорожно сжимали деревянный фальшборт, лицо обдавало солеными, холодными брызгами Адриатики, а в груди замерло дикое, детское, благоговейное восхищение. Весь мир вокруг него состоял теперь из трепещущих парусов, белой пены и сверкающего на солнце железа.

Прямо по курсу, разрезая пенные гребни, в авангарде шла огромная флагманская галера самого дожа Энрико Дандоло. Комашль слепца был великолепен и страшен: его борта были затянуты тяжелым багряным шелком Республики, на носу сверкала позолотой грозная голова льва Святого Марка, а на юте, окруженный вооруженными стражниками, неподвижно стоял сам старик-дож, увлекая тридцать тысяч святых пилигримов навстречу их первому, неоплатному греху.

Часть 4. Кровавые кресты Задара

Ноябрьская Адриатика встретила армаду свинцовыми, маслянистыми волнами и пронизывающим, сырым холодом. Обозленная многомесячным голодом, измотанная жаждой на Лидо латинская армия высаживалась на каменистое побережье Далмации, словно лавина саранчи. Позади остались

обеты, впереди лежал огромный, богатый, обнесенный циклопическими известняковыми стенами Задар.

Высадка авангарда крестоносцев сразу захлебнулась в яростных, грязных стычках. Конные хорватские и венгерские защитники города лавиной налетали на прибрежную гальку, высекая искры из мокрых камней, кололи пиками и сбивали латинских рыцарей обратно в прибой, не давая закрепить плацдарм. Франкские кнехты, по колено в ледяной соленой воде, закрывались тяжелыми ростовыми щитами от града стрел, летящих с башен. Но голод и купеческий диктат Венеции вели пилигримов вперед с беспощадностью обреченных. Армия закрепилась, обложив город тяжелым стальным кольцом осадных лагерьей.

В отчаянной попытке воззвать к милосердию осаждающих, жители Задара пошли на последний шаг. На рассвете перед генеральным штурмом защитники города вывесили на циклопические стены огромные латинские кресты, распятия и расшитые золотом священные хоругви, умоляя единоверцев остановиться.

— Смотрите! — кричали сержанты в шампанских шеренгах, опуская копья. — У них такие же кресты! Они молятся тому же Богу! [2]

Но рев венецианских труб заглушил ропот. По знаку дожа Дандоло осадные машины швырнули в башни первые глыбы, и начался ожесточенный, костедробительный штурм.

Шестнадцатилетний Райнхард в составе штурмового от-

ряды барона де ла Тура взбирался по шаткой, склизкой от крови деревянной лестнице прямо под свист камней и кипящую смолу. Это было его настоящее крещение огнем и железом. Ворвавшись на стену вслед за хрипящим от ярости бароном, юноша прорубал себе дорогу сквозь узкие, тесные городские улочки и столкнулся с тем, к чему его не могла подготовить ни одна проповедь Шампани.

Забежав в под своды величественного собора Святой Анастасии, Райнхард замер, опустив окровавленный меч. Прямо перед ним, у алтаря, латинские крестоносцы безжалостно резали католиков — безоружных задарских горожан, женщин и стариков, которые в ужасе прижимали к груди распятия и молились на латыни. Шампанские рыцари с хохотом выламывали драгоценные серебряные оклады, срывали золотые чаши, крушили произведения искусства и топтали сапогами священные реликвии, заливая кровью храмовый мрамор. Город был взят, разграблен и растерзан под венецианский диктат ради покрытия долга перед Арсеналом.

Через три дня после погрома в лагерь крестоносцев, разбитый среди каменистых пустошей Далмации, прибыли папские легаты. Они доставили буллу Папы Иннокентия III. Ватикан предавал жестокой анафеме и полному отлучению от Церкви всю армию за пролитую христианскую кровь.

В шатре предводителей похода развернулся тяжелый, полный скрытого отчаяния диалог. Бонифаций Монферратский, Бодуэн Фландрский и Людовик де Блуа сидели перед

легатами бледные, со сжатыми кулаками. В лагере начиналась скрытая паника.

— Если простые кнехты и рыцари узнают, что Папа проклял нас, армия мгновенно взбунтуется и распадется! — глухо рычал Бодуэн, швыряя кубок на стол. — Швабы и французы побросают оружие, мы останемся в этой проклятой Далмации нищими и беззащитными! Поход на Египет будет похоронен навсегда! [2]

— Буллу нужно скрыть, — ледяным тоном прервал его Бонифаций. — Сжечь пергамент. Простые воины не должны слышать ни слова об отлучении. Мы скажем им, что Святой Престол благословил нашу победу.

Клирик Бенедикт тайно вынес папский пергамент из шатра вождей, спрятав его в глубоких рукавах своей рясы. Сгорая от внутреннего ужаса перед содеянным, но пытаясь спасти остатки своего распадающегося мира, монах вернулся в лагерную палатку шампанцев. Он застал барона Гийома де ла Тура, который в панике мерил шагами земляной пол, судорожно крестясь.

— Мы прокляты, Бенедикт! Рим отлучил нас! — лихорадочно шептал барон, хватаясь за голову.

— Успокойтесь, сын мой, — тихо, со страшным, выжженным спокойствием произнес Бенедикт, глядя в темноту. — Кровь этих задарских раскольников лишь очистила логику похода. Мы убрали препятствие, мы дали Республике её порт, и теперь корабли свободны. Это была необходимая, хи-

ругическая жертва ради великого пути к Александрии. Бог поймет нас, когда мы освободим Гроб Господень.

Однако затянувшаяся балканская зима принесла трезвление. С Адриатики налетела ледяная бора, вымораживающая палатки насквозь и покрывающая доспехи коркой льда. Армия с ужасом осознала, что погром Задара их не спас: добычи в городе оказалось ничтожно мало, контрактный долг в восемьдесятmaster пять тысяч марок перед Венецией по-прежнему не был закрыт, возвращаться в Европу нищими, опозоренными и отлученными от Церкви было нельзя, а венецианские корабли по-прежнему намертво стояли на приколе в замерзающей гавани и не плыли в Египет. Вся система Четвертого крестового похода зашла в абсолютный, тупиковый тупик.

В промерзшей, чадающей лагерной палатке шампанцев Гийом де ла Тур, клирик Бенедикт и оруженосец Райнхард сидели вокруг медного таза с углями, кутаясь в дорожные плащи. Райнхард монотонно чистил помятый на стенах наплечник барона. Юноша долго молчал, слушая, как ледяной ветер треплет парусину, но наконец поднял глаза — сухие, лишённые прежнего детского блеска.

— Как же так, господин барон? — искренне, с глубокой горечью спросил Райнхард. — Мы заложили фамильные земли Шампани, продали последнее имущество и железо, приехали бить сарацин за морем ради спасения душ. Нас направили взять христианский город, мы резали людей, ко-

которые молились на латыни у алтарей — и получается, мы опять всё должны венецианцам? [2] Мы прокляты, добычи нет, корабли стоят. Куда нас направят дальше, господин барон? Разве так планировался поход к Гробу Господню? [2]

Гийом де ла Тур дернулся, его лицо исказилось от бессилия и волнения. Барон попытался спорить, подбирая рыцарские оправдания, но, зажатый в тиски собственной нищеты, долгов и скрываемого страха перед анафемой, лишь начал бешено свирепеть.

— Молчать! — взревел Гийом, пиная ногой медный таз так, что угли посыпались на землю. — Ты ни черта не смыслишь в войне, мальчишка! Ты будешь делать то, что прикажет маркиз Бонифаций, и пойдешь туда, куда развернут носы венецианские нефы! Или ты хочешь подохнуть от голода на этих скалах?! [2]

Клирик Бенедикт медленно протянул дрожащие руки к угасающим углям, стараясь не смотреть оруженосцу в глаза, и глухо произнес, пытаясь обосновать кошмар с позиции веры:

— Пути Господни неисповедимы, Райнхард... Задарцы заплатились за свои тайные грехи перед Римом. Нам предстоит пройти сквозь это темное дефиле, чтобы очиститься. Терпи и молись. Господь всё управит.

Палатка погрузилась в тяжелое, ледяное молчание. За холмами глухо роптало тридцатитысячное голодное войско, запертое во льдах Далмации, а из серой штормовой

мглы Адриатики к причалам Задара в эту самую минуту уже подходили три галеры Пьетро Паскуале, несущие на борту новую, неотвратимую волю Республики.

Часть 5. Ловушка лагуны. Немецкий транзит

Слухи о том, что крестоносное воинство вместо Египта с ходу штурмовало и разграбило христианский Задар, достигли Германии в начале декабря. Швабский двор Гогенштауфенов лихорадочно бурлил. Филипп, король Германии, сидел в глубоком кресле перед пылающим камином, брезгливо швырнув на стол донесение своих лазутчиков.

— Они увязли в долгах у дожа Дандоло, — сухо произнес Филипп, глядя на стоявшего перед ним графа Вольфганга. — Дож запер их на песке Лидо, пока бароны не согласились пролить кровь венгерских подданных в Далмации. Церковь предала армию анафеме, но они остались зимовать в Задаре. Им нужно золото. Огромное количество золота, чтобы закрыть контракт перед Венецией.

Сидевший в тени царевич Алексей IV Ангел испуганно подался вперед, кутаясь в теплый шерстяной плащ с чужого плеча. Его коротко обрубленные под латынянина волосы едва успели отрасти.

— Значит... пора? — хрипло спросил принц ромеев. — Вы обещали мне армию, кузен! Бароны выслушают меня теперь?

Филипп Швабский ледяным, расчетливым взглядом окинул племянника:

— Бароны выслушают любого, кто пообещает закрыть их недоимки перед Арсеналом. Твои обещания — это единственный тактический козырь, способный спасти их поход от позора. Маркиз Бонифаций Монферратский ждет тебя в Задаре. Но доставить тебя туда нужно тайно и быстро, пока ищейки твоего дяди-узурпатора или наемники Ватикана не спеленали тебя на тракте.

Король Германии лично утвердил состав и руководство миссии, не желая рисковать крупными силами гвардии в разгар собственной гражданской войны. Во главе военно-дипломатического посольства встал сам **граф Вольфганг** — как официальный представитель короны Гогенштауфенов, везущий рекомендательные письма и суверенные гарантии. Силовое же прикрытие и тактическое командование отрядом Филипп доверил **капитану Ульриху фон Лёвенштайну** — прожженному ветерану итальянских кампаний, безземельному рыцарю-министериалу, привыкшему решать грязные задачи железом. Под его начало выделили тридцать тяжелых швабских рыцарей на свежих дестриэ и около сотни легких конных сержантов. Для логистики выделили десятков тяжелых повозных телег, груженных припасами, овсом и сундуками графа.

Путь до венецианских галер, ожидавших отряд в условленном глухом порту на итальянском побережье Адриатики, превратился в сплошной логистический ад.

Константинополь, почуяв смертельную угрозу, мгновенно

активизировал всю свою шпионскую сеть на Балканах и в Европе. Золото узурпатора Алексея III потекло рекой, скупая информацию на постоянных дворах и перевалах. Одновременно с этим Ватикан, взбешенный погромом Задара, задействовал свои рычаги: Папа Иннокентий III спешно нанял отряды наемной гвельфской конницы, которые теперь плотно рыскали по всей Северной Италии, перекрывая дороги к лагуне. Римские легаты и греческие соглядатаи действовали сообща, выслеживая любые перемещения немецких курьеров.

Зима накрыла Альпы и Ломбардию ледяной коркой. Колонна продвигалась медленно, со скоростью воловьих упряжек, тащивших тяжелые телеги по обледенелым валунам. Лошади скользили и ломали ноги, швабские погонщики в кровь сбивали пальцы о мерзлые звенья цепей, вытягивая фургоны из глиняной жижи. Северная Италия буквально кишела вражескими патрулями, искавшими беглого принца. Папа категорически запретил помогать царевичу, и наемники Ватикана выставили жесткие заслоны на главных дорогах. Отряду Ульриха приходилось обходить крупные замки и торговые пути стороной, двигаться глухими пастушьими тропами по ночам без огней сквозь сырые, затянутые туманом дефиле, теряя людей от обморожений и ежеминутно ожидая удара в спину от рыскавших по Ломбардии папских конников.

Папская конница настигла отряд почти в самом конце тя-

желого пути. Когда до спасительного побережья и венецианских кораблей оставалось всего пара лиг, отряд спускался к морю по тракту, проложенному по дну высохшей реки. Этот старый римский тракт, петляя карстовым коридором, тянулся среди холмов и выходил прямо к морю, где в серой предрассветной дымке их ждали три галеры дожа Дандоло. Дозорные Ульриха в панике примчались с севера: легкие, маневренные гвельфы шли наперерез. Отрезать измотанный воловьих обоз на выходе к воде для них было делом нескольких минут. У швабов не оставалось времени для маневра на равнине, и ущелье высохшей реки стало их единственным шансом.

Там, где каменистое русло балки круто выгибалось перед выходом на побережье Адриатики, отряд уже ждал **Пьетро Паскуале**. Он устроил на скалистом мысу временный штаб — отсюда открывался безупречный обзор на лагуну с качающимися на волнах венецианскими кораблями и на зев дорожного ущелья. Пьетро был сух, подтянут, в сером франкском кафтане поверх кольчуги мелкого дамасского плетения. В его внешности не было грубой рыцарской угловатости — он казался скорее цеховым мастером или нотариусом лагуны, но жесткие, просоленные мозоли на длинных пальцах и ледяной, неподвижный взгляд выдавали в нем смертельно опасного оперативника, привыкшего подчинять хаос войны сухому расчету. Вокруг мыса он уже расставил глухие конные дозоры из числа своих матросов.

На рассвете венецианец сам отправился проверять дальний секрет, скрытый в каменистой лощине в половине лиги вглубь материка. Туман стоял густой, сырой, пахнущий можжевельником и солью.

Именно там Пьетро и встретил колонну.

Медленный швабский обоз шел скверно. Десяток тяжелых повозных телег, запряженных неповоротливыми, хрипящими волами, едва тащились по разбитому сланцу. Тяжелое железо, припасы и сундуки намертво лишали отряд мобильности. Шестнадцатилетний царевич Алексей IV Ангел, синий от холода, безвольно горбился в седле своего мерина, едва удерживая повод онемевшими пальцами.

А за ними, всего в четверти лиги на север, тучей шла погоня. Быстрый, летучий отряд легкой папской конницы — те самые нанятые Ватиканом гвельфы в легких тосканских шлемах и набивных кожаных куртках, что рыскали по Ломбардии и всё-таки сели швабскому отряду на хвост — нагонял обоз ходко, выжимая из лошадей последние силы. Было ясно: швабы не успевают дойти до берега. На просторе пустоши легкие всадники просто окружают и закидают их дротиками.

Пьетро Паскуале, пришпорив коня, поравнялся с тяжелым дорожным дормезом графа. Опустив руку на кожаный борт повозки Вольфганга, он быстро, ледяным тоном изложил ему тактический расклад: у кромки воды их вырежут, но выход из балки — идеальный капкан, и его матросы с тяже-

лыми судовыми самострелами уже заняли каменистые террасы холмов.

Граф Вольфганг, чье лицо за три недели марша через Альпы покрылось серой швабской пылью, неожиданно для всех рванул поводья своего иноходца вперед, перехватывая инициативу. Страх уступил место семейной гордости Гогенштауфенов. Он подскочил к командиру своей гвардии.

— Ульрих, стоять! — зычно, перекрывая скрежет колес, крикнул граф. — Слушай меня. Погоня настигает, до моря не дойти. Забирай тридцать рыцарей на свежих дестриэ и уводи их вон в тот овраг у тракта. Спрячетесь в каменистой тени. Лошадям завязать морды попонами, сидеть беззвучно. Как только эти гвельфские псы пронесутся мимо — садись им на хвост. Мы запрём их в лощине.

Капитан Ульрих фон Лёвенштайн, чье суровое лицо со шрамом было темным от копоти, коротко и жестко кивнул. Он всё понял без лишних слов.

— А вы, господин граф? — хрипло спросил капитан.

— Я сам поведу обоз к выходу из балки и заблокирую дорогу, — граф Вольфганг развернул коня к погонщикам. — Живо гоните волов вперед! Наваливайся! Сделаем им наковальню.

Колонна рванула вперед. Волы, подгоняемые уколами рогатин, пошли быстрее, втягиваясь в горловину балки. У самого выхода на побережье граф Вольфганг лично руководил строительством баррикады: тяжелые дубовые телеги скреже-

тали колесами, разворачиваясь углом поперек колеи, с хрустом падали заранее подсеченные матросами Пьетро стволы, образуя глухой, непроходимый бруствер. За возами выстраивались сержанты с алебардами, прикрывая щитами позиции сорока венецианских морских пехотинцев, засевших выше, на каменистых террасах холмов. Евнух укрыл испуганного царевича Алексея в самом безопасном углу вагенбурга.

Ульриху показали овражек. Тридцать тяжелых швабских рыцарей беззвучно завели своих огромных жеребцов в тенистую расселину, положив ладони на эфесы мечей.

Папская погоня влегла в балку с разгона, на полной скорости. Гвельфы шли без разведки, ослепленные азартом — они видели, что до моря осталось поллиги, цель близка, и добыча уходит. Командир наемников гнал лавину вперед, высекая копытами сухие искры из сланца. Они пронеслись мимо скрытого оврага, даже не повернув голов в железных шапках, и скрылись за крутым поворотом тракта, втягиваясь в ловушку.

Как только последний папский всадник исчез за скалой, Ульрих опустил тяжелое забрало топфхелма, сузив мир до узкой смотровой щели.

— По коням, — глухо приказал он из-под стали.

Тридцать дестриэ выбрались из оврага и встали на тракт. Теперь швабы никуда не торопились. Они сели погоне на хвост, заперев их в каменном коридоре балки, и пошли ровной, тяжелой рысью строго по следам своих преследовате-

лей.

А впереди, у завала, уже начался грохот битвы.

Папский клин с размаху влетел за поворот и наткнулся на стену из телег и деревьев. Кони с костяным хрустом ломали ноги в переплетении острых сучьев, пятились, давя собственных всадников. Гвельфы увязли, потеряв всю инерцию. И в эту секунду Пьетро Паскуале на холме резко опустил портовый тесак.

— Спускай! [1]

Сорок стальных дуг судовых самострелов выплюнули смерть одновременно. Тяжелые четырехгранные болты, выпущенные косым залпом с уступов, ударили гвельфам точно во фланги и незащищенные кольчужой спины. Стальные наконечники пробивали миланские панцири и лопатки коней, как промасленный пергамент. Лощина наполнилась диким конским визгом, матом и грохотом железа. Враг закрутился на месте, зажатый перед швабской наковальней.

И тут сзади, со стороны входа в балку, раздался нарастающий гул, от которого задрожали известняковые стены ущелья.

Дистанция в четверть лиги дала швабам идеальный простор. Немецкие дестриэ набрали сокрушительный, бешеный галоп, превратившись в монолитный брус из мяса и стали.

— Филипп! — глухо взревел Ульрих.

Конный таран на полной скорости ударил гвельфам точно в затылок. Бабах! — с диким сухим треском лопнули ясе-

невые копыта швабов. Это была чистая, беспощадная физика разогнанной массы, набравшей весь свой вес на километровом перегоне. Потерявших ход, расстреливаемых венецианцами с холма и зажатых среди телег наемников сминало, как сухую солому. Рыцарей вышибало из седел пушечными ядрами. Люди летели лицом на острые камни, и тяжелые подкованные копыта дестриэ тут же втоптывали их в грязь, ломая ребра и превращая кольчужные кольца в сплющенное месиво.

Бой смолк через пятнадцать минут так же резко, как и начался.

Балка превратилась в дымящуюся пурпурную бойню. Капитан Ульрих тяжело сполз с седла своего жеребца, его левое бедро было распорото багром, но он даже не поморщился. Он снял шлем, открывая серое от пота и копоты лицо со шрамом, сплюнул кровь под ноги и хмуро посмотрел на Пьетро, который спускался к нему по камням террасы, на ходу спокойно стягивая с пальцев кожаные перчатки.

Швабы потеряли двоих рыцарей — молодых братьев фон Альтен, которых затоптали в тесноте у телег. Оруженосцы уже хладнокровно добивали покалеченных лошадей кинжалами. Пьетро молча осматривал тетиву своего арбалета — в сыром морском тумане сталь дуг могла подернуться ржавчиной за считанные минуты.

— Дьявольский капкан, венецианец, — хрипло выдохнул капитан, опираясь на широкий окровавленный меч. — Мой

клин вошел в их тыл как нож в масло. Ты ведь понимаешь, что мы сейчас пустили кровь слугам самого Папы Римского? Если в Риме узнают, что люди маркиза Бонифация и стрелки дожа вырезали папский заслон, Иннокентий проклянет наш поход еще до того, как мы поднимем паруса.

Пьетро Паскуале спокойно убрал перчатки за пояс и ответил своим ровным, пугающе тихим голосом:

— Папа далеко, капитан, а мои галеры — в половине версты отсюда. Мой господин, дож Дандоло, платит мне за то, чтобы этот греческий принц прибыл в Задар живым. А Папа... Папа простит нам этот грех, когда мы вернем ему византийскую церковь под начало Рима. Всё имеет свою цену, Ульрих. И эту цену Венеция уже посчитала.

Из-за щитов кнехтов, весь в дорожной грязи, выбрался цареви́ч Алексей IV Ангел. Его колотила крупная дрожь. Восемнадцатилетний порфирородный принц Ромеев впервые понял, как на этом диком Западе делаются дела: не золотыми речами, а вот такими интеллектуальными и смертельно опасными господами в серых кафтанах, которые превращают ландшафт, старые телеги и чужие тактические ошибки в безупречные машины для изменения истории.

— Времени нет, — Пьетро даже не взглянул на принца, закидывая арбалет за плечо. — Снимите кольчуги с мертвых легатов и забирайте уцелевших коней. Галеры уже спустили баркасы [1, 2.3].

Погрузка на плоскодонные баркасы шла в лихорадочной

спешке под хлесткими ударами ледяной балканской боры. Каменистый берег Адриатики замерзал на глазах. Раненых швабских кнехтов и уцелевших боевых дестриэ втаскивали на настилы баркасов вручную, под глухие проклятия немецких рыцарей и яростные окрики венецианских надсмотрщиков. Царевича Алексея, безвольного и онемевшего от пережитого ужаса, Пьетро Паскуале лично швырнул на корму командирского баркаса, укрыв грубым просмоленным брезентом.

Через час три военные галеры дожа Дандоло снялись с якоря и вышли в открытое море [1, 2.3].

Морской переход до Задара превратился в затяжную, изнурительную битву со штормовой зимней Адриатикой. «Левиафан» тяжело кренился на пенных гребнях волн, обшив-ка судна трещала, а палубу заливало ледяной соленой водой. В тесных, темных трюмах, зажатые между конскими стойлами и бочками со свининой, швабские рыцари задыхались от морской болезни. Капитан Ульрих, бледный от потери крови, сидел на сундуке, баюкая раненое бедро и слушая монотонный, мерный стук весел под ногами: сотни венецианских гребцов-каторжников выбивались из сил, удерживая ход корабля против встречного шторма. Пьетро Паскуале почти не покидал юта, его серый кафтан насквозь промок и покрылся ледяной коркой, но он упрямо вел маленькую эскадру сквозь пронизывающий туман, выверяя маршрут с купеческой точностью. Алексей IV Ангел всё это время провел на полу в

капитанской каюте, забившись в угол и вздрагивая при каждом сильном ударе волны о борт, окончательно осознав, что его судьба теперь целиком зависит от воли Республики.

В конце января, когда ледяной туман над Далмацией ненадолго рассеялся, впереди наконец выросли циклопические, серые стены осажденного Задара. Город, сожженный и разграбленный латинянами два месяца назад, стоял мрачным, закопченным монументом. На береговой линии чернели остовы сожженных хорватских лодок, а на причалах суетились латники крестоносного войска.

Галера «Левиафан» мягко ткнулась бортом в дубовые сваи центрального пирса.

Передача царевича Алексея состоялась на палубе, без лишней торжественности, в окружении венецианских арбалетчиков и личной гвардии вождей похода. Лидер крестоносцев, маркиз **Бонифаций Монферратский**, уже ждал их на причале, кутаясь в богатый, подбитый куньим мехом плащ. Рядом с ним, хмуро опершись на эфес длинного меча, стоял граф Бодуэн Фландрский.

Пьетро Паскуале сошел по деревянному трапу первым, ведя за руку бледного, грязного и помятого принца ромеев в его матросском холщовом рубище. Маркиз Бонифаций шагнул вперед, его суровое лицо дрогнуло, а в глазах вспыхнул яростный, торжествующий блеск политика, получившего свой главный козырь.

— Ты доставил его, венецианец, — глухо произнес Бони-

фаций, кладя тяжелую ладонь на плечо Алексея IV. — Воинство отлучено от церкви, армия проклята Папой и замерзает на этих камнях, но этот мальчик — наше спасение. Его обещания закроют все наши долги перед дожем.

Пьетро Паскуале спокойно стянул с пальцев кожаную перчатку и посмотрел на маркиза своим ровным, ледяным взглядом.

— Живой император Константинополя передан в твои руки, маркиз. Венеция выполнила свою часть уговора. Теперь твоя очередь доказать баронам, что их мечи способны добыть то золото, которое этот щенок пообещал Республике. Всё имеет свою цену, Бонифаций. И эту цену мы с вас спросим до последнего гроша.

Венецианец развернулся и легким, кошачьим шагом пошел обратно к своей галере, оставив испуганного царевича наедине с вождями похода и первыми шагами к великой катастрофе христианского мира.

Часть 6. Падение базилевса

Июльское солнце раскалило воды Золотого Рога до состояния жидкого сланца. Невиданная латинская армада, ведомая флагманской багряной галерой дожа Дандоло, с тяжелым хрустом прорвала вековую железную цепь, преграждавшую вход в гавань, и подошла к массивным морским стенам Константинополя. С палуб крестоносных нефов величайший мегаполис Ойкумены казался Вавилоном, высеченным из мрамора, золота и порфира. Когда пилигримы вы-

строили свои корабли в боевой порядок и показали стоявшего на юте законного наследника престола, царевича Алексея, византийский узурпатор Алексей III Ангел умылся страхом. Устрашенный явлением железных латинских шеренг и предательством собственной знати, он тайно бежал из дворца под покровом ночи.

Крестоносцы с триумфом вошли в Константинополь сквозь распахнутые Золотые ворота. Влахернский дворец толнул в византийском славословии, под рев латинских труб пилигримы возвели на престол ромеев своего главного должника — царевича, ныне соимператора Алексея IV Ангела.

Однако латеранская марионетка мгновенно оказалась в душливой ловушке. Не успели остыть приветственные факелы, как лидеры похода — маркиз Бонифаций Монферратский и граф Бодуэн Фландрский — явились в тронный зал, гремя шпорами по мраморным плитам, и потребовали немедленной уплаты обещанных по договору двухсот тысяч номисм. Алексей IV в панике обнаружил, что великая византийская казна пуста: беглый дядя выгреб из подвалов всё до последнего золотого денария, а провинции империи наотрез отказались платить налоги латинскому ставленнику.

Пытаясь наскрести золото для прожорливой латинской армии, молодой базилевс пошел на святотатство. По его приказу кнехты начали сдирать драгоценные оклады с икон, плавить древние церковные сосуды и вводить грабительские, удушающие пошлыны. Это вызвало глухую ярость и презре-

ние со стороны греческого населения. Стены города дышали ненавистью к порфирородному предателю, продавшему веру латинян.

Среди крестоносцев, стоявших лагерем у Галаты, росло глухое, злое недовольство. Обещанных восточных богатств они не видели, провиант, подвозимый венецианцами, был на исходе, и огромная армия начала голодать в чужом, враждебном городе. Молодой оруженосец Райнхард, прохаживаясь по замусоренным рынкам подле руин ипподрома, с горечью наблюдал, как их «священная миссия» окончательно превратилась в банальное, позорное вымогательство.

Измученный неопределенностью барон Гийом де ла Тур в один из вечеров резко зажал клирика Бенедикта в углу заброшенной галереи, требуя объяснений, почему их «богоугодный» переворот принес лишь голод и разруху. На что монах, перебирая четки сухими тонкими пальцами, сухо и равнодушно заметил:

— Эти восточные еретики должны пострадать ради очищения их финансов, барон. Их гордыня ломается через бедность, таков замысел.

Вскоре чаша терпения переполнилась. В Константинополе вспыхнул стихийный, кровавый бунт. Разъяренное греческое население свергло и задушило Алексея IV в подземельях дворца, провозгласив нового, ярого антилатинского императора. Все прежние обещания и контракты были аннулированы в одну ночь, казна намертво заперта, а крестоносцы

и венецианцы остались у стен восставшего колосса без единого гроша за душой. Замкнутый круг долга, голода и ярости подвел латинское воинство к единственному оставшемуся выходу — тотальному, беспощадному штурму великого города.

Весна 1204 года принесла Константинополю огненный ад. Обозленная двухлетним обманом, непрекращающимся голодом и унижительным безденежьем армия крестоносцев пошла на штурм, превратившийся в беспощадную зачистку тысячелетней цивилизации.

Барон Гийом де ла Тур вместе с шестнадцатилетним Райнхардом в первых рядах ворвались на каменные стены. Юноша карабкался по штурмовым мостам венецианских галер под скрежет железа и свист греческого огня. Оказавшись на узких улицах тонущего в панике мегаполиса, Райнхард впервые в жизни пролил христианскую кровь не в честном бою, а рубя без разбора испуганных защитников. Ломая двери богатых домов, он участвовал в безумных, диких грабежах. Весь его внутренний мир, выстроенный на сказках о благородных рыцарях и святых обетах, рушился и тонул в багровой каше человеческих ошметков.

Величайший, доселе неприступный мегаполис и культурный центр Ойкумены пал. Город погрузился в дым и копоть грандиозных пожаров. Рыцари Христовы учинили в нем беспрецедентное по своей жестокости разграбление. Латиняне с хохотом осквернили собор Святой Софии: они пу-

стили блудниц петь срамные песни на патриаршем престоле, выламывали топорами драгоценные серебряные оклады соборов, разбивали вековые мраморные изваяния, растаскивали величайшие святыни христианства и делили горы византийского золота прямо на залитых кровью площадях. На руинах павшей империи вожди провозгласили новое государство — Латинскую империю, а Бодуэн Фландрский примерил золотую корону василевса.

Эпilog. Торжество хаоса

Весна 1204 года принесла Константинополю огненный ад. Величайший, некогда неприступный мегаполис и культурный центр Ойкумены пал под натиском обозленной, изголодавшейся латинской армии. Город погрузился в дым и копоть пожарищ. Рыцари Христовы учинили в нем беспрецедентное по своей жестокости разграбление, оскверняя алтари, выламывая золотые оклады соборов и деля груды византийского богатства прямо на площадях.

Где-то на руинах растерзанного города, среди обугленных колонн и тлеющих обломков порфира, трещал сиротливый походный костер. У огня, кутаясь в потемневшие от гари плащи, сидели трое шампанцев. Барон Гийом де ла Тур ошеломленно смотрел в пламя, механически потирая тяжелые, покрытые запекшейся кровью наплечники. Рядом шестнадцатилетний Райнхард монотонно переворачивал угли длинным железным шкворнем. Его взгляд был сухим и пустым. Подле его ног стоял тяжелый кожаный баул, туго набитый зо-

лотой ромейской утварью, византийскими номисмами и драгоценными камнями. Райнхард стыдливо помалкивал, отчетливо понимая: за эти три безумных дня погрома он поправил свои дела так, как никогда до этого не поправляли ни он, ни его предки, и вряд ли когда-нибудь поправят его потомки. Семейная нищета была стерта, но цена этой сытости жгла душу сильнее каленого железа.

— Как же так, господин барон? — не поднимая глаз, негромко спросил Райнхард, и его ровный голос разрезал треск углей. — Мы ведь покидали Шампань с крестами на груди. Мы шли спасать Гроб Господень за морем, а вместо этого разграбили и сожгли Константинополь.

Гийом де ла Тур лишь ниже опустил голову, не найдя в себе сил вымолвить ни слова оправдания. Но клирик Бенедикт, напротив, сохранял абсолютный, зловещий рассудок. С ледяным спокойствием он методично укладывал в деревянный ящик, проложенный сухой соломой, бесценные византийские реликвии и ковчеги с мощами для отправки на Запад. Услышав вопрос оруженосца, монах подвел под случившуюся катастрофу финальную схоластическую черту:

— Империя ромеев была горда, спесива и расколота, Райнхард. Ее падение — это не наш грех, а праведный и закономерный суд Божий, очищающий земное пространство для истинной, неделимой Вертикали Латерана.

Райнхард швырнул шкворень в костер, поднялся во весь рост и, глядя на багровое зарево над куполом Святой Софии,

горько изрек:

— Нас всех сюда привело лишь то, что мы были постоянно кому-то должны: святой церкви, Дожу... [3]

Действие перенеслось в Рим. В личной канцелярии камерария Апостольской Палаты, где по-прежнему царила прохладная, звенящая тишина, Люциус де ла Дотта изучал первые, пахнущие солью и сургучом отчеты из павшего Константинополя. На первый взгляд, его хитрый, многоходовый план сработал безупречно. Патриаршая казна ломилась от золота, долги венецианским купцам были полностью закрыты, а восточные раскольники силой латинских мечей принудительно подчинены Римскому престолу. Люциус праздновал чистую тактическую победу, полагая, что заложил нерушимый фундамент единой мировой финансовой системы.

Однако широкая макропанорама финала обнажала глубокую, смертельную трещину в его «невидимом балансе». Камерарий не осознавал, что запустил разрушительные негативные обратные связи. Разрушив Византию, он навсегда сломал систему династических браков Европы, полностью уничтожил легитимный баланс сил и ликвидировал единственный геополитический щит, который веками сдерживал страшные угрозы с Востока.

Дверь канцелярии беззвучно отворилась. В комнату вошел Бруно де ла Фонте, сбрасывая с плеч запыленный плащ курьера. Он подошел к столу Люциуса, внимательно наблюдая за тем, как камерарий аккуратно выводит на пергаменте

итоговые цифры прибыли.

— Вы довольны балансом, господин камерарий? — тихо спросил Бруно.

— Всё сошлось с точностью до денария, Бруно, — не поднимая глаз, ответил Люциус.

Нотариус-скриниарий помедлил, а затем задал вопрос, который мучил его с самого начала похода:

— Господин... а что всё-таки было в том тайном письме, которое вы приказали мне срочно доставить дожу Дандоло в Венецию? [3] Вы ведь предупреждали его о финансовом разрыве? О том, что провансальцы и бургундцы изменяют маршрут, не прибудут в лагуну и бароны не смогут оплатить фрахт флота? [3]

Люциус де ла Дотта замер. А затем в прохладной тишине Латерана раздался его тихий, сухой, но искренний смех. Камерарий откинулся на спинку кресла, глядя на лазутчика.

— Предупреждал? О нет, Бруно. Старый слепой дож закрыл этот финансовый разрыв за счет самого Египта. Египетский султан настолько испугался известий о великом латинском флоте, что тайно прислал в Венецию послов и откупился от Дандоло колоссальной суммой золота, лишь бы крестоносцы не плыли в Александрию. Дожд получил свое серебро еще до того, как флот отчалил от Лидо.

Бруно ошеломленно приподнял брови:

— Но если контракт был оплачен султаном... Зачем Дандоло морил рыцарей голодом и требовал Задар? [3]

Люциус снова усмехнулся, и его глаза блеснули ледяным блеском истинного кукловода:

— Потому что изначально так и планировалось, Бруно. Нам нужно было завесить стоимость этого проекта вдвое. Нам нужно было искусственно загнать рыцарей Шампани и Швабии в такую долговую яму, из которой у них не будет выхода. Только так можно было получить послушную, отчаявшуюся армию, готовую на любой грех ради копейки. Капитал должен был подчинить себе Меч.

— А царевич Алексей? — Бруно нахмурился. — Немецкий король Филипп сам прислал его в Далмацию, думая, что ведет свою игру.

— Немецкий король прислал его от безысходности, понимая, что иначе его швабский отряд останется не у дел в этой дележке. Но сам Алексей IV был негодным, пустым активом. У него не было ни ума, ни реальной казны. Он был нужен нам лишь как живой таран, как легитимный ключ от ворот Константинополя. И мы этот ключ получили. Город открылся, ересь растоптана, золото в Риме.

Люциус де ла Дотта снова обмакнул перо в чернила и поставил жирную, финальную точку на полях манифеста.

В то время как в Латеране фиксировали прибыль, на юге Италии, в Сицилии, уже начинал подрастать юный Фридрих II Гогенштауфен — будущий яростный богоборец и главный враг папской системы. А на самых дальних, невидимых рубежах Ойкумены, из Великой Степи уже начинала поднимать-

ся едва заметная пока, но смертоносная, всепоглощающая
МОНГОЛЬСКАЯ ПЫЛЬ.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.